

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 226-234, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Casus: the History of Russia in the Small Peas

UDC 94 (47)

“We Wanted Sound Wages, Clothing, and Galoshes”: The Material Remuneration and Temptations of Workers in Soviet Adygea in the 1920s

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
344006, Rostov-on-Don, Chekhova Prospekt, 41
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

This article addresses the material remuneration and consumer capacity of workers in the Adygei autonomous region in the 1920s. The author points up difficulties with the analysis of relevant sources and the study of the issue in question. The article draws a conclusion that the poor material aspect of daily subsistence led as early as the late 1920s to that the “Homo Biologicus” became the main character of the Soviet era and that for many hardship and privation shifted the focus of attention away from their rights and civil dignity.

Keywords: material remuneration; deficit; consumption; Soviet people; Adygei autonomous region.

Введение

Проникновенное письмо работника областного отдела земельного управления из Адыгеи от 25 февраля 1923 г., в котором он сообщал о своем «страстном желании иметь твердый оклад, сукно и галоши» – один из многочисленных казусов, осевших в моем личном архиве. Профессиональная судьба этого документального свидетельства эпохи «выборочного изобилия», наверное, так бы и осталась «за кадром» большой истории, если бы не мое настойчивое стремление найти ему со временем достойное применение. Таковым, собственно, и оказался вызванный им «порыв» связать воедино разрозненные и отрывочные сведения о материальном вознаграждении и возможностях его обладателей, собранные в Национальном архиве Республики Адыгея.

Материалы и методы

Вопросы заработной платы, социального обеспечения и материального вознаграждения советских граждан относятся, пожалуй, к одним из наиболее «плохо восстанавливаемым» сюжетам 1920-х гг. Причинами тому оказываются как разрозненность сведений о начисляемой заработной плате или пенсии по отдельным отраслям занятости,

так и «плавающие» тарифные ставки вознаграждения. Многочисленные распределительные ведомости на выдачу заработной платы и списки начисляемых пенсионных пособий, помимо всего прочего, содержат и малопонятные пометки доплаты за «предыдущее непогашенное время».

Более того, постоянно осуществляемая «сводная сверка» списков лиц, подлежащих «материальному вознаграждению», а также частично практиковавшаяся в 1920-е гг. натурализация льгот и жалованья, препятствуют созданию всеобъемлющей и достоверной картины в этой области повседневной жизни. Следует помнить и о том, что в 1922–1924 гг. в стране была проведена денежная реформа, результатом которой стало введение в оборот товарных и червонных денег: первые не были обеспечены золотом и имели сугубо внутреннее хождение, вторые – были нацелены на внешнеторговый оборот и подкреплены «валютным запасом страны». Исчисление заработной платы в той или иной денежной форме свидетельствовало о социальном статусе ее обладателя, а также о престижности той или иной профессии.

Обсуждения и результаты

Самые неупорядоченные сведения как в отношении общего количества нуждающихся, так и полагаемых им пособий относятся к инвалидам войны, труда, вдовам красноармейцев, погибших в рядах Красной Армии и семьям красноармейцев, находившихся в тот период времени на действительной воинской службе. Все перечисленные категории граждан были отнесены к ведению областного отдела социального обеспечения, история создания которого начиналась дважды. Отдел «открыл свои функции в 1922 г., но благодаря бездеятельности волостных исполкомов и укладу жизни черкесов на местах, не дававших в область своевременно точных сведений о социальном положении граждан автономной области – областному собесу пришлось приостановить свои функции и вновь организовать дело» [1]. Самым главным тормозом его «плодотворной работы» считалось «несвоевременное и неточное предоставление сведений».

Однако те сведения, которые все-таки попадали в поле его зрения, неоднократно перепроверялись как по официальным каналам, так и по не раскрываемым, личным источникам отдела социального обеспечения. Официально обоснованным поводом к получению пособия или пенсии служили результаты «Акт обследования имущественного и семейного положения граждан». Имущественное положение определялось по 4 категориям, включающим в себя: «жилищные и хозяйственные постройки (хата, сарай, амбар, конюшня и прочий инвентарь); скот и птицу (лошади, коровы, свиньи, куры, утки, индюшки, гуси, быки, прочие); землю и обработочный инвентарь (засеянные и незасеянные участки, косилки, плуга, бороны, грабли, катки); прочее имущество (зерно)» [2]. В случае отсутствия подавляющего большинства указанных признаков и наличия «на руках одного-трех иждивенцев» обследуемый получал единовременное пособие в размере 10–15 руб.

Тем не менее полученное подтверждение неимущего или малоимущего состояния не гарантировало его обладателя от изъятия уже предоставленного пособия. Так, в 1926 г. областной собес «получил сведения о том, что инвалид войны, житель хутора Мокро-Назарова Краснобашенского сельского совета, гражданин Р.П. Семеш, состоящий на пенсии в областном собесе, имеет имущественное положение, заключающееся в одной хате, 2 лошадях и 2 коровах». Областной отдел социального обеспечения предлагал «райуполномоченному лично обследовать имущественное положение гражданина, выяснить точно путем опроса граждан, в каком году было приобретено это имущество, и обо всем составить подробный акт» [3]. Такого рода выборочные проверки производились довольно часто, однако проследить дальнейшую судьбу «заново обследованных», за редким исключением, практически не удастся. В случае с инвалидом войны Р.П. Семешем выяснилось, что из списков «исправно получавших пособия» он исключен не был, но никаких денег на протяжении 1927–1929 гг. не получал.

Не менее запутанная ситуация наблюдалась и в области выплаты пенсий инвалидам войны и семьям красноармейцев. Она колебалась от 3 тыс. товарных рублей в 1922–1924 гг. до 23–50 рублей в 1926 г. При этом ведомости на выдачу пенсионного пособия получателям по категориям не делили и велись «сплошным методом». Протоколы заседаний коллегии областного отдела социального обеспечения содержат постоянные указания на

необходимость повышения пенсионных ставок. Например, с 1 октября 1926 г. пенсионные ставки инвалидам войны и семьям красноармейцев планировалось довести: «инвалидам войны I группы до 23 руб., II группы – 15 руб., III группы – 12 руб.; семьям красноармейцев с 1 членом семьи – 8 руб., с 2 членами семьи – 12 руб., с 3 и более членами семьи – 15 руб.» [4]. Выплата пенсий и иных видов пособий осуществлялась крайне нерегулярно, причинами чему довольно часто указывалось «небрежное отношение со стороны ряда отделов исполкома и хозяйственных учреждений области к выплате в соцкассу отчислений на социальное страхование» [5].

Насколько рассматриваемые суммы и их индексация удовлетворяла насущные потребности населения, судить однозначно весьма затруднительно. Как свидетельствует практика социологических опросов и сбора статистических данных того времени, «в населении присутствовало скрытое недовольство материальной политикой власти. Многие отмечали, что плохо живут, но тут же выражали понимание текущего момента в жизни страны» [6]. Более того огромное количество заявлений граждан на получение единовременного пособия и результаты «Актов обследования имущественного и семейного положения» нуждающихся в пособиях подтверждают субъективные ощущения современников о «плохо устроенной жизни».

Довольно разнообразными и разрозненными выглядят и сведения относительно получаемого жалования и заработной платы в 1920-е гг. Их «чистое» (денежное) исчисление для разных категорий рабочих и служащих не только разнилось в количественном отношении, но и в «натуральном» сопровождении. Зарплата районного уполномоченного в октябре 1926 г. составляла 40 руб. и предполагала «бесплатное столование, поездки по области и теплое пальто на два сезона» [7]. В то же время заведующий мануфактурным складом получал лишь «голый» оклад в 130 руб. и «подвергался несчетным проверкам на сохранность казенного имущества» [8].

Необходимо отметить, что получаемое жалование облагалось многочисленными общественными повинностями: по инициативе профсоюза советских работников служащие управления местного хозяйства области в течение двух лет «делали регулярные отчисления в фонд безработных – 0,5 % и в пользу ленинградских рабочих – 1 % заработка» [9]. На средства трудоспособного населения области содержались и более крупные объекты социального назначения. Детский дом в селе Николаевском Ширванского округа «существовал за счет местных средств, т.е. из числа оставленных до полтора пудового сбора 50 % всех селений округа» [10]. Правда, в отличие от облагаемого фонда заработной платы, здесь действовал несколько другой принцип пересчета «общественно полезных трудов». В первой половине 1920-х гг. практиковались и всевозможные сборы пожертвований в пользу больниц, школ, детских домов, находившихся как на территории как самой области, так и за ее пределами [11].

По целому ряду «служебных профессий» к окладу предусматривалась выдача «профессиональной одежды». Кучерам и возницам, состоявшим при управлении местного хозяйства, полагались:

Название	Количество	Срок носки
Непромокаемое пальто	1	2
Полушубок	1	3 зимы
Валенки	1	1 зима
Шапка	1	2 зимы
Варежки и кожаные рукавицы	2	1 зима
Сапоги кожаные	1	1 год

Сохранившиеся ведомости на выплату зарплаты и расчетные книжки служащих различной ведомственной принадлежности позволяют проследить не только динамику изменения их жалования и окладов, но и востребованность, а также престижность той или иной профессии. Вместе с тем они способствуют прояснению и такого до сих пор болезненно воспринимаемого вопроса как разница в оплате и возможностях советско-партийной номенклатуры и остальных категорий «неответственных работников». Речь в основном

пойдет об окладах служащих областного отдела социального обеспечения и управления местным хозяйством, чьи раздаточные ведомости отличаются хорошей прочитываемостью и репрезентативностью данных.

Согласно спискам областного собеса на июнь–июль месяцы 1923 г., заместитель заведующего отделом получал 9977 руб. 70 коп., секретарь собеса – 7752 руб. 86 коп., делопроизводитель – 3364 руб. 12 коп., помощник бухгалтера – 5045 руб. 25 коп. [12]. Частная смена делопроизводителя и относительная кадровая стабильность остальных должностей позволяет предположить, что, несмотря на среднюю по тем временам зарплату, работа эта особой популярностью не пользовалась и требовала «больших временных затрат». По свидетельству уволившегося делопроизводителя, «бумаги в отдел поступали не регулярно, порой шли валом. Приходилось задерживаться допоздна, вызывали и в выходные...» [13].

К началу 1925 г. ситуация значительным образом изменилась: в большей степени стали важны не оклады, а занимаемые должности и делопроизводители, вытесненные машинистками, превратились в незаменимых в «канцелярском деле» людей. Их небольшие оклады компенсировались различными премиальными, а возможность работать по найму в нескольких ведомствах давали довольно приличную зарплату. В данной связи можно обратиться к «Списку служащих управления местного хозяйства Адыгейской (Черкесской) автономной области»:

Должность	Разряд	Оклад, жалованье
Заведующий		70 товарных рублей
Заместитель заведующего		70 товарных рублей
Секретарь завотдела	15	56 товарных рублей 95 коп.
Юрисконсульт		70 золотых рублей
Завхоз	12	42 товарных руб. 50 коп.
Регистратор	6	21 товарный руб. 25 коп.
Машинистка	7	23 товарных руб. 80 коп.
Заведующий мельсекцией	15	56 товарных рублей 95 коп
Уполномоченный	15	56 товарных рублей 95 коп
Техинспектор	12	42 товарных руб. 50 коп.
Облархитектор	16	61 товарный руб. 20 коп.
Бухгалтер	12	42 товарных руб. 50 коп.
Счетовод	9	29 товарных руб. 75 коп.
Кассир	12	42 товарных руб. 50 коп.
Завскладом	14	52 товарных руб. 70 коп.
Сторож	5	18 товарных руб. 70 коп.
Техник	12	42 товарных руб. 50 коп.

Исходя из сведений об окладах служащих, наиболее «крепкие» позиции на профессиональной лестнице занимали юрисконсульты, чей труд оплачивался в твердой валюте, по должности приравнивался к ответственным работникам и предполагал 35 % прибавки [14], затем шли непосредственно управленцы высшего звена, архитектор области, управленцы среднего звена, кассир и бухгалтер, а замыкал ее «технический персонал». Машинистка, тяготеющая по «табели о рангах» к последней категории служащих, занимала в ней первое место. Более того, проработав «безупречно два года, в течение которых регулярно премировалась наравне с заведующими отделами», была взята в облисполком.

В этом отношении весьма любопытна оценка самими современниками выгодности занятия тем или иным ремеслом. Профессиональный литератор Л.Я. Гинзбург вспоминала: «После революции литературный труд был одним из самых выгодных. Еще год-два назад оплата даже в 150–180 рублей за лист казалась нам высокой. Сейчас это вообще небольшие деньги, но главное литературный способ добывания этих денег перестал казаться выгодным и соблазнительным сейчас, с прекращением безработицы, с огромным повышением спроса на интеллигентный труд, с необычайным улучшением оплаты педагогического труда. У Гриши (Гуковский) простой и убедительный расчет: при четырехрублевой оплате

академического часа, 16 часов в декаду дают 190 рублей с лишним, притом, это гораздо легче, чем написать печатный лист» [15].

Оплата труда других категорий служащих складывалась из тех же самых показателей, что и служащих «ответственных учреждений». Разница состояла лишь в том, что другие категории «не несли на себе такого бремени забот». Например, работникам просвещения на протяжении нескольких месяцев 1924 г. областные органы власти пытались повысить зарплату. В конечном итоге, пришлось констатировать, что «выплата содержания работникам просвещения в Адыгейской автономной области по всем ставкам и своевременной уплате жалования находится в нормальном положении (30 червонных рублей в месяц). При составлении местного бюджета на 1924–1925 гг. считать необходимым придерживаться установленных ставок и ни в коем случае не допускать снижения... Улучшение положения учительства вести с культурно-бытовой стороны» [16].

Организационное бюро областного комитета партии неоднократно выносило в повестку дня своих заседаний вопрос о «низких ставках заработной платы служащих прокуратуры и уходе по этой причине с работы сотрудников» [17]. Нередкими на этих заседаниях были и вопросы о «нахождении возможностей выплаты заработной платы сотрудникам административных учреждений». В апреле 1926 г. в порядке исключения разрешалось «фракции облисполкома взять заимообразно необходимую сумму для выдачи зарплаты служащим из средств районных бюджетов» [18]. Однако хронический дефицит областного бюджета на всем протяжении рассматриваемого времени приводил к тому, что указанная практика исключений приобретала характер повсеместного правила.

Крайне скупо в архивных источниках представлены сведения о заработной плате рабочих. Их небольшая численность по области и по преимуществу неквалифицированный характер выполняемой работы в первой половине 1920-х гг. делали их объектом внимания исключительно лишь областного отдела труда. Согласно представленным им сведениям, «зарплата для рабочих землеса производится в товарных рублях – из расчета для огородников 7 руб., для табачников же предположено установить до 10 руб.» [19]. К сожалению, данных по заработной плате рабочих фабрично-заводской промышленности обнаружить не удалось.

Тем не менее следы заботы власти о своевременной выплате зарплаты рабочим прослеживаются по многим протоколам заседаний высшего партийного органа области. Большинство из них констатирует «отсутствие должной связи между профессиональными организациями, хозяйственными учреждениями по вопросам зарплаты и организациями предприятий регулирующей промышленности» [20]. Судя по косвенным данным, несвоевременная выплата зарплаты была в то время делом обычным и «большим прегрешением не являлась».

Сведения о заработной плате самой ответственной категории служащих области – партийных работников – являются, пожалуй, наиболее закрытой и мало проницаемой статьей расходов. Относящиеся к вопросам, «неподлежащим открытому рассмотрению», они могут быть представлены лишь в приблизительном исчислении. Представляется, что даже с учетом должностной тарификации, оклад ответственного работника в середине 1920 гг. колебался в пределах 70–300 руб. и выше. Он не мог быть ниже оклада квалифицированного технического инспектора, жалование которого составляло в 1924 г. около 60 руб. и начислялось по 15 разряду [21], или юрисконсульта, приравняемого по «отправляемым обязанностям» к ответственному работнику, чье содержание обходилось бюджету в «70 золотых руб. с 35 % прибавки».

В пользу такого предположения свидетельствуют и размеры предоставляемой материальной помощи, выплачиваемой коммунистам области. Так, согласно протоколу оргбюро от 17 февраля 1923 г. «по пунктам 12, 13, 14 и 15 гражданам ..., как многосемейным и крайне нуждающимся», из кассы взаимопомощи предполагалось выплатить по 200 руб., а курсантам совпартшколы – по 300 руб.» [22]. Материальная помощь ответственным работникам намного превышала размеры единовременных социальных пособий. Она выплачивалась на основании заявления просителя и возлагалась на те учреждения, где он работал.

Оплата содержания ответственным работникам, в своем подавляющем большинстве, исчислялась по «I разряду, составляющему 14 рублей» [23]. Какую часть заработной платы

составляло указанное содержание предугадать трудно. Однако, исходя из постоянно рассматриваемых на заседаниях оргбюро вопросов по оказанию материальной помощи, она была явно недостаточной. В пользу этой недостаточности склоняет и постоянно возникающая на всем протяжении 1920-х гг. необходимость «усиления борьбы с взяточничеством». Официальной версией его распространения по области стала «перегруженность ответработников» [24]. С целью искоренения «этой постыдной проказы» особо закоренелых взяточников перемещали на другие «менее ответственные участки работы», «разгрузив» их от столь непреодолимых соблазнов. Случаев увольнения «за взяточничество» обнаружить не удалось.

Не менее интригующим остается и вопрос о том, каким образом и на что тратились с таким трудом заработанные деньги, составлялся семейный бюджет, и какие из предметов потребления являлись тогда большим или меньшим дефицитом. Так, люди «интеллигентного труда» категориями бюджета, по свидетельству современников, не мыслили: «В Советской России у людей, а может быть, только у интеллигентов нет бюджета. Это обстоятельство крайне важное и почти в той же степени определяющее наш бытовой уклад, в какой его определяет то обстоятельство, что у нас нет денег. Не каждый из нас может позволить себе приобрести за 2р. 50 коп. вязаные перчатки, никто из нас не покупает масло у частника. Но каждый может незаметным для себя образом, пойти в ресторацию и поужинать там на 3 рубля, на 5 и на 10. Революция внушила нам глубокое недоверие и неискоренимое равнодушие к накоплению; она уничтожила в нас буржуазный интерес к деньгам, как таковым, к деньгам на черный день, на всякий случай; к деньгам, хранящимся в банке и приносящим проценты, к деньгам, хранящимся в чулке и приносящим спокойствие» [25]. Тем не менее многие из них стремились попасть на «службу в учреждения», где еще в первой половине 1920-х гг. оставалось «немалое число хорошо образованных и порядочных людей». Помимо «приятного общения», советская служба давала и ощущение полезности, которое «помогало стойко переносить материальные тяготы и бытовую неустроенность того времени» [26].

Напротив, для рабочих и служилой интеллигенции бюджет был реальным понятием, чья наполняемость определялась стоимостью товаров и продуктов первой необходимости, топлива, оплаты за обучения и общественно-полезными отчислениями. В наиболее благоприятных условиях находились те из них, которые имели трудоспособных неработающих членов семьи, ведущих подсобное хозяйство. На плечи работающего семьянина, по данным статистики на 1923–1924 гг., приходилось от 13 до 34 недельных часов домашнего труда [27].

Показательно, что при всей скудости рациона питания и отсутствия необходимых одежды и обуви, большая часть бюджета приходилась на покупку дров, элементарное отсутствие которых, по меткому выражению Б.Л. Пастернака, «в эпоху торжества материализма приобрело характер топливного вопроса». Многочисленные «ведомости на закупку дров» свидетельствуют, что один их кубометр стоил в середине 1920-х гг. 48 руб. В среднем же в холодное время года на месяц «для обогрева жилья» требовалось от одного до трех кубометров, что составляло половину и более средней зарплаты по области [28]. В 1928 г., когда для рабочих области стали строить «оттеплевые бараки», ситуация несколько изменилась: основной статьёй расходов становится «покупка продуктов питания и необходимых носимых вещей» [29].

В этом отношении весьма показательным выглядит сравнение с расходной частью бюджета рабочих Урала. В 1922 г. их «расходы на питание составляли 44,6 %, на одежду и обувь – 18,8 %, на жилище – 15,6 %, на собственное хозяйство – 5,1 %» [30]. При этом реальная заработная плата рабочих ценовой промышленности колебалась в зависимости от отрасли от 5,6 до 9,7 довоенных рублей [31]. Несмотря на явно отдаваемое предпочтение «продуктовой» статье расходов, в литературе, тем не менее, указывается на преобладание, по крайней мере, в первой половине 1920-х гг. «одежного» характера рабочих бюджетов [32].

Продукты в основном покупались на «черном» рынке или выменивались на «редкую мануфактуру». Настоящим бедствием для жителей области на протяжении 1920-х гг. стала борьба официальной власти с «хлебной спекуляцией»: отсутствие хлеба на прилавках магазинов поначалу компенсировалось деятельностью «мешочников», к которым по постановлению оргбюро области с 1928 г. стали применяться меры уголовной

ответственности. Выявленные при помощи ОГПУ «скрытые спекулянты» осуждались по статье 107 Уголовного Кодекса [33].

Привычной приметой времени являлся дефицит самых разнообразных товаров. Понятие дефицита того времени включало в себя не только редкие, но также и дорогостоящие товары. Поэтому боролись по преимуществу не с отсутствием таковых, а с их стоимостью. Регулярно с 1925 г. в повестку дня организационного бюро области включался вопрос «о заслушивании доклада Межведомственной комиссии о результатах продолжающейся работы по снижению розничных и оптовых цен на промтовары в государственных и кооперативных организациях области» [34].

Годовым итогом этой кампании стала констатация того положения, что «снижение розничных цен проводилось с некоторым опозданием. Но в то же время данные к июлю месяцу (1927 г.) подтверждают, что указанное снижение в области проведено только на 9,2 %. В течение месяца довести до 10 %. Гарантией удержания цен является постоянное внимание и контроль партийных, советских и общественных органов и пайщиков». Наряду с отмеченными достижениями, указывались и недостатки в виде «случаев произвольного повышения цен в некоторых кооперативах», «прекращение торговли малоприбыльными товарами, являвшимися товарами первой необходимости» [35].

В 1928 г. началась кампания по разбронированию дефицитных промтоваров. 20 января того же года областное бюро постановило: «Считать необходимым разбронировать галоши из графы дефицитных товаров при условии отпуска их пайщикам. Тов. Ткаченко предоставить соображения о возможности разбронирования и некоторых других товаров» [36]. Тремя днями позже был заслушан доклад «О снабжении промтоварами нашей области», где в частности отмечалось: «Просить крайисполком ВКП (б) воздействовать на крайторг и крайсоюз об усилении завоза товаров в нашу область по налу хлебозаготовок, сообщить, что мы получили только 1 вагон через Майкопское отделение крайсоюза и на 7 тыс. руб. суконных товаров. Считать необходимым отпуск дефицитных товаров за исключением суконных полномочным членам кооператива, независимо от сдачи ими хлеба, стимулируя этим вовлечение населения в кооперативы» [37]. Однако, несмотря на все предпринимаемые усилия власти, сукно и галоши так и остались дефицитными товарами, заветной мечтой потребителей «эпохи выборочного изобилия».

Выводы

Так и не налаженная материальная сторона повседневного существования уже к концу 1920-х гг. приведет к тому, что главным героем советской эпохи станет «человек биологический». В свою очередь, «невероятные трудности и лишения, связанные с удовлетворением элементарных потребностей в питании и одежде», в конечном итоге, «потеснят у многих мысли о правах и гражданском достоинстве» [38].

Примечания:

1. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф.Р-38. Д. 24. Л. 5.
2. Там же. Д. 59. Л. 5.
3. Там же. Д. 69. Л. 21.
4. Там же. Л. 9.
5. Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХДНИ НАРА). Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 49. \
6. НАРА. Д. 69. Л. 10 об.
7. Там же. Л. 2.
8. Там же. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 157. Л. 32.
9. Там же. Д. 133. Л. 169.
10. ХДНИ НАРА. Ф.Р. – 1. Оп.1. Д.2. Л.32.
11. Там же. Д. 2. Л. 76.
12. НАРА. Ф.Р-38. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.
13. Там же.
14. Там же. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.
15. Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 110.

16. ХДНИ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 46, 46об.
17. Там же. Д. 181. Л. 9.
18. Там же. Л. 109.
19. Там же. Д. 7. Л. 23.
20. Там же. Д. 130. Л. 180.
21. НАРА. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 140. Л. 16.
22. ХДНИ ГУ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 58а.
23. Там же. Д. 130. Л. 180.
24. Там же. Д.2. Л.58а.
25. Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 74.
26. Там же. С. 76– 77.
27. Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функций быта // Социологический калейдоскоп (Памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003. С. 159.
28. ГУ НАРА. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 133. Л. 159.
29. ХДНИ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 37.
30. Фельдман М.А. К вопросу об уровне жизни уральских рабочих в 1922 – 1928 гг. // Гуманитарный сервис: Книга 1. История повседневности. М., 2003. С. 56.
31. Там же. С. 52.
32. Там же. С. 56.
33. ХДНИ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 235. Л. 94.
34. Там же. Д. 181. Л. 138.
35. Там же. Д. 201. Л. 37.
36. Там же. Д. 234. Л. 7.
37. Там же. Л. 10а.
38. Шубкин В.И. Исторические предпосылки катастрофизма в России // Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004. С.55.

References:

1. Nacional'niy arhiv Respubliki Adygeya (dalee – NARA). F.R-38. D. 24. L. 5.
2. Tam zhe. D. 59. L. 5.
3. Tam zhe. D. 69. L. 21.
4. Tam zhe. L. 9.
5. Hranilische dokumentov noveishey istorii Nacional'nogo arhiva Respubliki Adygeya (dalee – HDNI NARA). F.R-1. Op. 1. D. 91. L. 49. \
6. NARA. D. 69. L. 10 ob.
7. Tam zhe. L. 2.
8. Tam zhe. F.R-11. Op. 1. D. 157. L. 32.
9. Tam zhe. D. 133. L. 169.
10. HDNI NARA. F.R. – 1. Op.1. D.2. L.32.
11. Tam zhe. D. 2. L. 76.
12. NARA. F.R-38. Op. 1. D. 24. L. 14.
13. Tam zhe.
14. Tam zhe. F.R-11. Op. 1. D. 44. L. 7.
15. Ginzburg L.Ya. Chelovek za pis'mennym stolom. L., 1989. S. 110.
16. HDNI NARA. F.R-1. Op. 1. D. 91. L. 46, 46ob.
17. Tam zhe. D. 181. L. 9.
18. Tam zhe. L. 109.
19. Tam zhe. D. 7. L. 23.
20. Tam zhe. D. 130. L. 180.
21. NARA. F.R-11. Op. 1. D. 140. L. 16.
22. HDNI GU NARA. F.R-1. Op. 1. D. 2. L. 58, 58а.
23. Tam zhe. D. 130. L. 180.
24. Tam zhe. D.2. L.58а.
25. Ginzburg L.Ya. Ukaz. soch. S. 74.
26. Tam zhe. S. 76– 77.

27. Gordon L.A., Klopov E.V., Onikov L.A. Obschiy harakter peremen v sodержanii bytovyh zanyatij i funkciy byta // Sociologicheskij kaleidoskop (Pamyati Leonida Abramovicha Gordona). M., 2003. S. 159.
28. GU NARA. F.R-11. Op. 1. D. 133. L. 159.
29. HDNI NARA. F.R-1. Op. 1. D. 234. L. 37.
30. Fel'dman M.A. K voprosu ob urovne zhizni ural'skih rabochih v 1922 – 1928 gg. // Gumanitarniy servis: Kniga 1. Istoriya povsednevnosti. M., 2003. S. 56.
31. Tam zhe. S. 52.
32. Tam zhe. S. 56.
33. HDNI NARA. F.R-1. Op. 1. D. 235. L. 94.
34. Tam zhe. D. 181. L. 138.
35. Tam zhe. D. 201. L. 37.
36. Tam zhe. D. 234. L. 7.
37. Tam zhe. L. 10a.
38. Shubkin V.I. Istoricheskie predposylki katastrofizma v Rossii // Strahi i trevogi rossijan. SPb., 2004. S.55.

УДК 94 (47)

**«Хотелось твердого оклада, сукна и галош»:
материальное вознаграждение и соблазны потребления трудящихся
советской Адыгеи 1920-х гг.**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена материальному вознаграждению и возможностям потребления трудящихся Адыгейской автономной области в 1920-е гг. Автором отмечаются трудности, связанные с анализом источников и исследованием рассматриваемой проблемы. Делается вывод, что неналаженность материальной стороны повседневного существования уже к концу 1920-х гг. привела к тому, что главным героем советской эпохи стал «человек биологический», а трудности и лишения потеснили у многих мысли о правах и гражданском достоинстве.

Ключевые слова: материальное вознаграждение; дефицит; потребление; советский человек; Адыгейская автономная область.